

Легенда о Ярославе Гашеке

(Литературное расследование к ...-летию со дня рождения)

Ярослав Гашек (30 апреля 1883-3 января 1923) - чешский писатель-сатирик, драматург, фельетонист, журналист, комиссар Красной Армии. Автор примерно 1500 различных рассказов, фельетонов и прочих произведений. Но мировую известность принес Гашеку его неоконченный роман *«Похождения бравого солдата Швейка»*.

Жизнь писателя была сплошной мистификацией. В молодости он был завсегдаем кабачков, добровольным шутком, которого ретивые собратья по перу именовали величайшим фигляром. В действительности - человеком, трезво глядящим на мир, добросердечным гением, у которого жизнь и творчество не делимы.

Он торговал собаками и редактировал журнал «Мир животных», был кандидатом в депутаты австрийского парламента и лидером пародийной партии умеренного прогресса в рамках закона. Был даже помощником коменданта города Бугульмы...

За его голову эстонское правительство предлагало 5000 марок, а в Омске - был выдан ордер на арест. Не только в своих книгах, но и в жизни он водил за нос полицейских, разыгрывал чинуш.

-Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, дважды расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами киргизами у Озера Кале- Исых, - писал Гашек. - Наконец меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабачке.

Но когда Ярослав Гашек действительно умер, его друг **Хэгон Эрви Киш** воскликнул: *«Гашек не впервой дурачит нас всех, водит за нос. Не верю! Сколько раз он уже умирал! Он не имеет права умирать. Ведь ему нет еще и сорока»*.

Давайте вместе с читателями библиотеки **«Фолиант» МБУК ТБК** в преддверии 130-летнего юбилея писателя попробуем немного ближе прикоснуться к биографии человека, от рождения игравшего печальную роль идиота. Давайте попытаемся выяснить, почему легенду о Гашеке - неисправимом романтике и бродяге, создавали не только многочисленные и подчас мнимые его друзья, но и он сам. Почему о нем до сих пор, спустя 90 лет со дня смерти, рассказывают были и небылицы?

Итак...

Мой дом - моя крепость

От покупки дома Гашека отговаривали решительно все. Чего ради платить двадцать пять тысяч крон за развалюху, если за те же деньги можно построить новый дом? Но **Ярослав Гашек**, писатель из Праги, оставался непреклонен.

Ему нравился вид на Липницкий замок, нравился и дом - неказистое, прилепившееся к холму сооружение: с одного боку - двухэтажное, с другого - одноэтажное, и со всех четырех сторон по входной двери. Полицейский **Штепанек** за кружкой пива пошутил:

- Пану Гашеку, верно, пришлось по душе то, что домик напоминает жилище мелкого помещика былых времен - стены толстые, окна маленькие. Если, не ровен час, на Липнице нападут разбойники, в нем можно отсидеться.

Так это было или не так, но летом 1922 года прежний хозяин получил за дом двадцать пять тысяч крон, а местный архитектор выгодный контракт на его перестройку и ремонт. Гашек нанял двух каменщиков, отметил начало стройки в трактире «У чешской короны» и впервые в своей тридцатидевятилетней жизни стал владельцем жилья.

До этого он обитал в съемных квартирах, а чаще - у друзей, спал на кроватях без простыней, укрывшись собственным пальто и подложив под голову свернутый пиджак.

Теперь все изменилось: «Швейк» оказался воистину дойной коровой, книга раскупалась влет, тут же переиздавалась. Гашек справил новый костюм, купил трость с серебряным набалдашником, заказал местному портному домашнюю куртку и летнюю рубаху с поясом; являясь в трактир, угощал всех, кто там сидел, и дарил новые сапоги проходящим через Липнице бродягам.

Но деньги, против обыкновения, не кончались, и тогда Гашек решил: ему нужно собственное гнездо. Хватит ютиться в каморке на втором этаже трактира, где зимой сыро и холодно. Он купит дом - и все пойдет на лад. И хотя в глубине души Гашек в это не верил, надеяться не переставал. Обстоятельства слишком запутались: он стал другим, оттолкнул тех, кого любит, и никак не мог выбраться из своей теперешней жизни...

Зато стройка шла очень хорошо.. Каждый день он угощал каменщиков пивом и сардельками с красным перцем и радовал архитектора просьбами внести в смету очередной каприз.

Бастую!

В Липнице он попал случайно: вышел из пражской гостиницы за пивом с двухлитровым кувшином в руках, в шлепанцах и домашних штанах. Встретил в пивной старого знакомого, художника **Панушку**. Тот сообщил, что как раз едет в самое красивое место Чехии: там есть и леса, и старинный замок, в трактире вкусно кормят и подают отменное пиво.

Кувшин остался в пивной, Гашек с Панушкой отправились на вокзал и вскоре появились в липницком трактире, к величайшему изумлению трактирщика, державшего комнату только для пана художника.

Свою русскую жену **Шуру** Гашек оставил в Праге и вспомнил о ней только через три недели, полные новых прекрасных знакомств, выпивок и песен у костра, над которым жарились шпикачки. Подумав, он отправил ей телеграмму. Оставшаяся без гроша, не ведающая, куда делся муж, Шура тотчас примчалась в Липнице.

Строго говоря, женой Гашека она не была: Чехословакия не признавала Советскую Россию, заключенный там брак считался недействительным. И это было хорошо, ведь пражская полиция уже готовила против писателя процесс о двоеженстве.

Гашек не впервые исчезал без следа: в двадцать лет он, мелкий чиновник банка «Славил», оставил на своем конторском столе записку: «*Бастую!*» и отправился в Болгарию - воевать с турками. В результате обошел все Балканы, оборванный, без гроша в кармане, пересек границу Российской империи и попал в Кракове в тюрьму.

В крови Ярослава жил вирус бродяжничества, и он легко срывался с места, бродил по Румынии, Австро-Венгрии и Германии, ночуя в стогах, прося встречных дать немного денег попавшему в затруднительное положение туристу.

Да и дома, в Праге, он мог исчезнуть на несколько дней: в среду уйти в редакцию и пропасть, а в субботу найтись в полицейском участке. Против Гашека выдвигались различные обвинения:

- *...Повредил две железные загородки, защищавшие деревья...*
- *... В четверть четвертого утра неподалеку от полицейского участка зажег три уличных фонаря...*
- *Ночью стрелял на улице из детского пистолета с пробкой, производившего такой же шум, что и настоящий револьвер...*
- *... Справил малую нужду перед зданием полицейского управления, чем вызвал сильное возмущение прохожих...*

При этом Гашек, разумеется, всегда был навеселе: с ног не падал, ровно идти мог, ему хотелось петь, шутить, выкидывать что-нибудь необыкновенное.

Барышня Майерова

В это время его настоящая жена, **Ярмила**, та, что жила в Праге и воспитывала их сына, сходила с ума от беспокойства и унижения. Она была женщиной гордой, он долго добивался ее руки. Много лет назад, будучи студенткой коммерческого училища, Ярмила влюбилась в лихого и необыкновенно остроумного молодого человека. Родители барышни **Майеровой** не хотели отдавать ее босяку и выпивохе, не имевшему постоянной службы и зарабатывавшему на хлеб с пивом сочинением юморесок.

В то время Ярослав старался понравиться важному пану **Майеру** и его сухощавой недоверчивой жене; будущая теща возненавидела жениха с первого взгляда да так и осталась при своем мнении. До конца дней Гашек переживал жгучий стыд: он обещал Майеру взяться за ум, а сам через несколько дней пришел ночью делать предложение пьяным и умолял перепуганную дворничиху забыть про условности, отпереть дверь и пустить его к хозяевам.

Пан Майер снял для молодых жилье, - отличную, хорошо обставленную квартиру в новом доме на Коширжах, купил ему новый костюм: Ярма отпаривала пиджак два раза в неделю - ей хотелось, чтобы муж выглядел хорошо. Скоро у них родился сын...

Беда была в том, что Ярослав оказался законченным неудачником: его многочисленные таланты не помогали заработать на хлеб. Он и пил-то потому, что у него ничего не выходило - все начинания заканчивались крахом, а ему нужно было поверить в себя, стать душой компании и королем богемы.

Гашек делал, что мог. Пытаясь выбиться из нужды, открыл торговлю собаками, оформив на имя жены Кинологический институт. Помощник **Чижек** ловил и перекрашивал дворняг, после чего безродный барбос превращался в немецкую овчарку, мелкая шавка становилась пуделем - и покупатели давали за них хорошие деньги.

Ярмила узнала об этом, когда их с Ярославом обвинили в недобросовестном предпринимательстве. Судебный процесс тянулся долго и в конце концов ничем не закончился. Тогда Ярмила была вне себя от ярости.

Но, с другой стороны, чего еще ждать от человека, который во время службы в журнале «Мир животных» для собственного развлечения изобретал новые виды насекомых, млекопитающих и рептилий? Гашек потчевал читателей историями о неизвестном виде блохи, жившей во времена «Азойской» эры, о домашних серебристо-серых вурдалаках, о мухе с шестнадцатью крыльями, семьью из которых она обмахивалась, и о потопных ящерах - «идиотозаврах».

Печатаясь в газетах двух конкурирующих политических партий, он полемизировал сам с собой, побывал в анархистах, но был не прочь работать и в газете национальных социалистов - только бы дали постоянное место работы. На собрании трамвайщиков, готовящихся к забастовке, он произнес речь против профсоюзных боссов. А те находились в большой дружбе с его газетой, и в результате он потерял хорошую работу...

Ярослав был большим ребенком, и она до поры до времени прощала ему все - даже свою разбитую жизнь. Но волка не заставишь жить в овчарне, а Гашек не смог отвыкнуть от веселой компании, насквозь прокуренных пивных, аплодирующих его шуткам знакомых и незнакомцев. В конце концов, Ярмила сказала, что больше не может этого выносить, и ушла к родителям.

Крах всей жизни

И вот в три часа ночи Гашек стоял на парапете Карлова моста, смотрел на черную, как смоль Влтаву, и никак не решался сделать шаг вниз.

Тогда его спас старый театральный парикмахер. Схватил за локти и сдал оказавшемуся поблизости полицейскому. Из участка пана литератора отправили в клинику для душевнобольных. Там он выпался, отъелся, потом помирился с перепуганной Ярмилой: ее расчувствовавшийся отец даже оплатил содержание зятя в дурдоме по первому разряду.

На какое-то время их брак был спасен, но Гашек по-прежнему исчезал, кочуя по пивным и кафе. Ярмила любила его, но жить с ним больше не могла: она ушла, и то, что за этим не последовал развод, ничего не меняло.

Он слал ей письма с объяснениями в любви и просьбами о прощении, умолял о встречах, хотел увидеться с сыном. В конце концов Ярослав снова ее уговорил, и у них опять ничего не вышло: прошлого не вернуть...

Так он потерпел величайший крах в своей жизни, после этого его ждало дно: он много пил, не мог пристроиться ни к какому делу, отбивался от помощи друзей, летом бродил по Чехии.

Спасением оказалась Первая мировая: он, как мог, увиливал от призыва, а попав в армию, старался избежать отправки на фронт и даже получил три года за дезертирство - приговор должны были привести в исполнение после так и не наступившей победы...

И все же война оказалась окном в новую жизнь. Гашек получил серебряную австро-венгерскую медаль за храбрость и Георгиевский крест

Вот только Ярмила и сын для него были потеряны безвозвратно.

В революционной России

Война и революция многое изменили в Ярославе Гашеке, из России он вернулся совсем другим человеком: у него стали острые, все подмечающие глаза, из шуток ушло добродушие. Он по-прежнему валял дурака, прикидываясь беззаботным весельчаком. Но пил теперь, не пьянея, спиртное его больше не веселило.

Шла первая мировая война, и писатель снова оказался, как часто бывало в его жизни, в трагическом положении, весьма напоминавшем приключения его героев. Тогда он спрятался в Липнице - тут не было ничего нового, в трудную минуту Гашек всегда пытался сбежать.

В сентябре 1915 года ефрейтор 91-го пехотного полка австро-венгерской армии Ярослав Гашек, наконец, благополучно сдался в плен контрактующим частям русской армии. Почему наконец? Потому что однажды, блуждая по лесу, Гашек наткнулся на солдат царской армии и пытался сдаться им в плен. Но они, воспользовавшись численным преимуществом, сами принудили его выступать в роли победителя.

Рядовой Гашек вернулся на позиции роты, нагруженный грудой трофейного оружия, конвоируя группу русских. За этот «подвиг» он был награжден большой серебряной медалью и произведен в ефрейторы.

Воевать с русскими у Гашека не было никакого желания, и спустя некоторое время военнопленный ефрейтор попал-таки в Тощие лагеря под Бузулуком. Так Гашек оказался в Самарской губернии, с которой будут связаны несколько месяцев его недолгой жизни.

Первое упоминание о Гашеке в Самаре относится к 7 апреля 1918 года, в связи с формированием в городе отрядов интернационалистов - чехословаков из бывших военнопленных. Резиденция чешских коммунистов располагалась в гостинице «Сан-Ремо» на улице Дворянской, 106 (теперь ул. Куйбышева). Гашек активно занялся агитацией, опубликовав в самарской газете «Солдат, рабочий, крестьянин», воззвание к чешским солдатам.

На рассвете 8 июня 1918 года отряды белочехов овладели Самарой. Три взвода, которыми командовали Ярослав Гашек и его сподвижник **Иосиф Поспишил** до последней возможности сдерживали натиск мятежников. В последний момент выяснилось, что в гостинице «Сан-Ремо» остались документы. Гашек вернулся за ними, но добраться назад к своему отряду он уже не сумел.

- В ту пору в Самарской губернии наливалась пшеница и приближался сенокос, - писал Гашек впоследствии. - В Самаре чрезвычайные полевые суды вывозили из тюрем рабочих и работниц и расстреливали их за кирпичными заводами. В городе и окрестностях рыскала контрразведка нового революционного правительства...

В то трудное время, когда мне на каждом шагу угрожала смерть, я счел за благоразумное податься в Большую Каменку, лежащую на северо-восток от Самары.

Гашек бежал из Самары в Симбирск в чужой одежде и лаптях с неумело намотанными онучами. Последним пристанищем Гашека в Большой Каменке был дом родителей писателя **Алексея Дорогойченко**. Блестящий дар артиста, не раз спасавший Гашека в экстремальных ситуациях, выручил, когда он уходил из занятой белочехами Самары.

Убежище на первое время Гашеку предоставила племянница ярого учредилловца, члена самарского правительства **Николая Павловича Каноникина**, с которым писатель-большевик был в добрых отношениях. На даче в пригороде Самары был разыгран целый спектакль. Гашек выдавал себя за полоумного сына немецкого колониста из Туркестана, якобы навещавшего свою бабушку.

Перестрелки, отступления, заседания военного трибунала: в России он совсем не пил, было не до этого. Он стал другим человеком - сильным, решительным, одним из тех, кто делает историю, и не собирался возвращаться в маленькую, унылую Чехословакию.

В Бугульме он работал помощником военного коменданта и чуть было не попал под расстрел. Первая из его русских жен, телеграфистка **Геля Бойкова**, с которой он расписался в этом городе, умерла от тифа вскоре после свадьбы. Во второй раз он женился на **Александре Львовой**, простой девушке из Уфы. Шура была мила и заботлива, любила его больше жизни. Ярослав тоже ее любил - до тех пор пока жизнь вновь не столкнула его с Ярмилой.

Как же он не хотел уезжать из России, как боялся встречи с прошлым! Но партия решила, что такой надежный коммунист, как товарищ Гашек, нужнее в Чехословакии - там как раз занималось пламя революционной борьбы. Когда он с Шурой и кипой агитационной литературы, в меховой русской шапке, валенках и толстом зимнем пальто очутился в Праге, это пламя уже погасило.

Тех, к кому он ехал, арестовали, пути назад не было: русские товарищи сочли бы его дезертиром и трусом, а с такими людьми там разбирались просто. Ему пришлось опять стать тем, кого помнила и ждала околотитературная Прага: автором юморесок, забавником, королем пивных. Надо было на что-то жить, а это приносило хоть какие-то деньги...

Но долго играть эту роль он бы не смог. Старых знакомых поражало, что, хлебнув пива и блеснув очередной остротой, Гашек вдруг начинал ругаться, называл их тугодумами и трусами, пересидевшими великое и страшное время за печкой, словно тараканы.

Бравый солдат Швейк

Спас «Швейк». Книга, которой он хотел плюнуть всем в лицо, принесла славу и деньги. Впоследствии Ярмила часто думала, что внешность порой обманчива, и человека трудно узнать, даже пожив с ним под одной крышей и родив от него ребенка. Неужели ее беспутный муж действительно гений?

«Швейк» бил все рекорды популярности. Литературные снобы воротили нос, но публике книга нравилась. Гашек продал права на театральную инсценировку и развернулся не на шутку, деньги за роман продолжали приходить. «Швейка» ставили в театре, поговаривали о том, что роман собираются переводить на другие языки.

Издатель одолевал телеграммами, требуя продолжения.

Приходилось много писать, а Гашек, готовя свой любимый матросский грог («...пол-литра воды, три зерна душистого перца, десять гвоздик, щепоть корицы, сок целого лимона, полкило сахара, три литра белого вина, литр коньяку - а кто скажет, что неплохо бы всыпать еще и ванили, так дай ему по рожке»), как назло, обварил руку.

В 1922 году Гашек нанял секретаря, им стал сын полицейского **Штепанека**, двадцатипятилетний **Климент**. Четыреста крон в месяц, будет он ему диктовать или нет, - жалование просто отличное, и пусть послевоенная крона уже не та, что во времена Австро-Венгерской империи, новоиспеченный секретарь был на седьмом небе от счастья.

Сам Гашек в те редкие времена, когда у него было постоянное место, не получал больше сотни - и считал себя богачом. Климент был большим поклонником «Швейка», и ему не терпелось начать записывать продолжение романа.

Но до «Швейка» дело не доходило: обычно с утра Гашек угощал Климента рюмкой сливовицы, с ходу диктовал юмореску, не перечитывал, не правил. Секретарь клал рукопись в конверт и отправлялся на почту. Автор же натягивал старый черный сюртук, помнивший лучшие дни еще во времена императора Франца-Иосифа, и отправлялся гулять.

Делу - время, потехе - час: он подышит свежим воздухом, выпьет несколько кружек пива, узнает местные новости и сам расскажет завсегдатаям трактира пару смешных историй. Чем не жизнь? Разве у него нет оснований быть довольным собой? Ярослав впервые в жизни добился настоящего литературного успеха.

Но кроме этого радоваться было нечему: он обрюзг и стал задыхаться, выпив кофе с ромом. Не мог есть жирные шпикачки и жаловался на боли в желудке. Но никто из местных докторов не мог определить, чем, собственно, пан писатель болен. Может, дело в бесчисленных кружках пива, а может, в перенесенном в России тифе?

Сам Гашек об этом не особенно задумывался и от вредных привычек отказываться не собирался. Сырым ноябрьским днем он лежал на кроватной сетке, укутавшись в два пледа, пил горячий чай со сливовицей и размышлял об очень важном деле. Очередная порция «Швейка» была надиктована Штепанеку, и тот понес его на почту, на столе лежал лист с несколькими последними фразами - чтобы вспомнить, с чего следует начать завтра.

Неразрешимая задача

Сделав работу, Гашек выбросил бравого солдата из головы и теперь бился над задачей, у которой не было решения. Сын живет в Праге вместе с матерью, Ярмила не хочет его видеть и не разрешает встречаться с **Рихардом**. Как бы улучшить момент и повидаться с ним хоть на улице?

Проще всего, конечно, было бы договориться с бывшей женой, но из этого ничего не выйдет: Ярмила и в первый-то раз с трудом подпустила его к ребенку, представила редактором из газеты. Пусть Рихард думает, что отец погиб на Гражданской войне в России. А Ярослав уже несколько лет носил на груди медальон с портретом сына и мечтал о встрече. Но встреча получилась совсем не такой, как представлялось: ему пришлось обращаться к собственному сыну на «вы».

Потом у них с Ярмилой начались новые отношения, и мальчик узнал, что он не мамин редактор, а его отец. Тогда они провели вместе все школьные каникулы, Гашек подарил Рихарду свою новую книжку. Но у них с Ярмилой в очередной раз ничего не получилось: жена захлопнула перед ним двери своего дома и не разрешила видеться с ребенком.

Можно, конечно, и подождать: повзрослев, сын наверняка вернется к отцу. Но ему так хочется увидеть его прямо сейчас! Да и кто может поручиться, что у него есть будущее?

Гашек лежал, кутаясь в плед, и думал, как будет хорошо, когда наконец наступит зима. Дом к этому времени прогреется, в нем станет тепло и уютно. Они с Шурой смогут кататься на санках, как в России. К ним будет приходиться много гостей, он устроит настоящее Рождество - с елкой и рыбным супом. Если Ярмила будет в добром настроении, может, отпустит Рихарда в Липнице.

В мечтах Гашек уже видел, как они с сыном гуляют вдоль стен Липницкого замка под падающим с неба густым снегом. Вдали синее зимний лес, в небе горят яркие звезды, и он говорит Рихарду: вон там, на опушке, можно увидеть запряженные оленями сани - это везет рождественские подарки Святой Николай.

Никто не догадывался, что скоро всему этому придет конец - Гашек проживет после Рождества лишь несколько дней...

Он умер 3 января 1923 года. Осерчавший на Гашека священник долго отказывался хоронить его на кладбище. В Липнице еще долго рассказывали о том, что Гашек шутил даже на смертном одре, а за несколько дней до своего последнего часа диктовал юмореску.

После смерти писателя на его жену Шуру обрушился и другой удар: выяснилось, что в доме нет ни гроша, дешевый гроб столяр сколотил в долг. Ей тогда казалось, что Гашек бросил ее на произвол судьбы. Секретарь Штепанек не мог взять в толк, как шеф ухитрился промотать такие деньжищи - по его подсчетам, за последние месяцы пан Гашек должен был получить больше ста тысяч крон!

Но Гашек и тут всех обманул: он обеспечил Шуру и сына, да так, как многим добропорядочным людям, всю жизнь копившим деньги, и не снилось. Тесть, считавший зятя законченным голодранцем и несчастьем семьи, ошибся: Ярилла Майерова не сделала бы лучшей партии, даже если бы вышла замуж за владевшего поместьем барона...

Шура получила половину от посмертных гонораров мужа, Рихард - другую половину. Сыну хватило на блестящее образование, Шуре - на пристойную буржуазную жизнь. Фамилия «Гашек» стала чем-то вроде титула, сам он - местной достопримечательностью, чем-то вроде доброго духа городка Липнице.

Литература:

- 1. Гашек Я.** Собрание сочинений в 6-ти томах/Ярослав Гашек. - М.: Художественная литература, 1983-85.
- 2. Дунаевский А. М.** Иду за Гашеком. - М.: Воениздат, 1963. - 152 с.
- 3. Еланский Н. П.** Ярослав Гашек в революционной России (1915-1920 гг.).- М.: Изд -во социально-экономической литературы, 1960. - 216 с. - 40 000 экз.
- 4. Макдермотт А.** Ярослав Гашек: Во всем виноват Швейк//Алекс Макдермотт// Караван историй.- 2011.-№7.-Стр. 144- 155.
- 5. Пытлик Р.** Гашек/ Радко Пытлик.- М.: Молодая Гвардия, 1977. - 304 с. - (Серия «ЖЗЛ»). -100 000 экз.
- 6. Пытлик Р.** Швейк завоевывает мир/Радко Пытлик.- М.: Книга, 1983. - 240 с. - 80 000 экз.
- 7. Трофимкин И.** Ярослав Гашек. Биография писателя. - М.: Просвещение, 1973. - 128 с.
- 8. Я. Гашек.** Библиографический указатель.- М., 1959.
- 9. Я. Гашек и его «Бравый солдат Швейк».- М., 1958.**